

СТАТЬИ

ББК 86.41+82.3(2Рос)

УДК 133.4:398.3(47.2)

DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(2)-9-20

Ю. В. Колпакова

МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ВЛАСТЯМ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVII–XVIII ВЕКОВ И В ФОЛЬКЛОРЕ

Магические практики противостояния властям на Северо-Западе представлены устными и письменными колдовскими заговорами «на власть, на суд». Корпус этих текстов на Северо-Западе не очень велик и географически неоднороден. Большая часть текстов происходит с территорий Русского Севера и стала известна благодаря введению в научный оборот рукописи знаменитого Олонецкого сборника и ряда архивных рукописей. Следует отметить, что некоторые заговоры вводились в научный оборот и не раз и имели вариации в легенде и происхождении. В таблице 1 приводится перечень архивных собраний, где хранятся изученные тексты, и основных изданий, в которых они опубликованы.

Таблица 1. Рукописи, фольклорные архивы и публикации заговоров «на власть, на суд».

<p>Олонецкий сборник 2-й четв. и XVII в. Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее — РАН). 21.9.10. Сев. 636.</p> <p>Сборник заговоров и молитв (с включением «Печати Соломона» и статьи о драгоценных камнях). 2-я половина XVII в. Российская национальная библиотека (далее — РНБ) Отдел рукописной и старопечатной книги (далее — ОСРК). О.III. № 185.</p> <p>Сборник заговоров от болезней, от порчи и др. первой трети XVIII в. Российская государственная библиотека (далее — РГБ). Ф. 92 (Собр. С. О. Долгова). № 75.</p> <p>Сборник смешанного содержания. 1736 г. от Л. Н. Майкова. РНБ. ОСРК. О.XVII.38.</p>	<p>Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010.</p> <p>Пересекается с: Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.</p> <p>Пересекается с: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. П. С. Ефименком. Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; т. 30. Труды Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. V. Вып. 2. Заклинания, наговоры, обереги. Подходные слова. С. 152–156.</p>
<p>Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796, оп. 33, д. 48. По доношению Канцелярии Тайных Розыскных дел, при котором прислан Новгородского Антониева монастыря иеродиакон Варлаам с заговорным в противность святой церкви письмом. 1752.</p> <p>Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 105, оп. 2, д. 356. Дело по предложению псковского наместнического правления при коем</p>	<p>Михайлова Т. В. «Волшебные книшки» и «суеверные письма»: заговоры в составе колдовских дел. <i>Studia Ethnologica</i>. Труды Факультета этнологии. СПб., 2004. Вып. 2. С. 174–200.</p>

прислан Успенской Пароменской церкви пономарь Хрисанф Козмин с найденным у него волшебным письмом. 1793.	
Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. Т. II. 1868.	Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. В 4-х ч. М., 1880.
Фольклорный архив СПбГУ Электронный архив «Российская повседневность» (далее — ЭА РП) «Пропповского центра: гуманитарные исследования в области традиционной культуры».	Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века: в 2 т. Т. 1: Архангельская коллекция. Сост. С. Б. Адоньева, А. В. Степанов. СПб.: Пропповский центр, 2020.
Фольклорный архив Новгородского государственного университета.	Магия слова. Заговор. По материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета. Составитель О. С. Бердяева. Великий Новгород: НовГУ, 2006.
Записи Павла Шереметева в Новгородской губернии.	Шереметев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., Синодальная типография, 1902.
Научный архив Кольского научного центра Российской академии наук (далее — КНЦ РАН).	Русские заговоры Карелии. Составитель Т. С. Курец. Петрозаводск, 2000.

Всего рассматриваются 1 заговор «на власть, на суд» из Пскова (ГАПО), 5 — из Новгорода (РГИА, Шереметев, ФА НовГУ, Майков), 2 — из Карелии (устных), 7 — из Олонецкой губернии (в рукописи), 5 — из Архангельской губернии (Забылин, Майков, Ефименко, ФА СПбГУ), а также неизвестного происхождения, предположительно с территории Русского Севера — 6 рукописных, 6 устных. Отметим также, что некоторые заговоров, ранее относимые к культуре русского Севера и Северо-Запада, в настоящее время признаны частично сфальсифицированными [Топорков, 2001, с. 352–389].

Следует сразу отметить, что о целостном корпусе заговоров на власть на Северо-Западе говорить трудно, в силу особенностей доступной источниковой базы мы скорее изучаем заговоры русского Севера, экстраполируя их особенности на бóльшую территорию.

Заговоры данной категории уже неоднократно попадали в поле зрения исследователей. На примере доступных ему текстов и свидетельств особенности «околдования начальства» в 1880-х г. анализирует П. С. Ефименко [Ефименко, 1884, с. 508–509; Ефименко, 1886, с. 175–178]. В «Материалах к функциональному указателю сюжетов и мотивов» восточнославянских заговоров Т. А. Агапкина и А. Л. Топорков выделяют раздел XI «На судей и начальников» и определяют основные особенности заговоров данной группы [Восточнославянские заговоры..., 2005, с. 58–80; Топорков, 2005, с. 389–400]. На материале обширной группы текстов, в том числе «на власть, на суд» А. Л. Топорков подробно рассматривает мотив чудесного одевания [Топорков, 2005, с. 143–174], а также номинацию «царь» и упоминание персонажей-«царей» [Топорков, 2007, с. 67–82].

Данные заговоры часто имеют соответствующие подзаголовки или инструкции: «ко власти приход», «идя на суд». В других случаях атрибуция заговора производится исследователями, вводящими текст в научный оборот.

Иногда встречается неожиданное сочетание функционалов: например, заговор на власть над человеком из Олонецкого сборника одновременно является приворотом, апокрифическая статья или заговор в сборнике из собрания С. О. Долгова одновременно направлен на власть и на девиц. Сочетание базируется на схожести механики построения заговоров того и иного назначения. Эти заговоры так или иначе призваны отдать одного человека во власть другого¹. Другое сочетание, встреченное и в материалах других губерний (окрестности г. Боровска) – «заговор от бояр, князей и колдунов» [Русские заговоры, 2010, № 10, с. 337–338], где эти социальные категории, в том числе «князи и бояра и всякия власти» выступают как потенциальные источники вредоносного воздействия. То же сочетание видим в чрезвычайно пространным заклинании, опубликованном Л. Н. Майковым: «отъ вѣрующимъ колдуновъ, горѣзовиць летающихъ, отъ бѣсовъ и ихъ учениць, отъ калики переходя, отъ блядскихъ и отъ всякаго злаго челоуѣка» и «отъ князя и боярина, отъ судей и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ, бабамъ и рабынямъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ» [Майков, 1869, № 346, с. 151–152].

Есть случаи, когда в заговоре на власть присутствует побочный текст, но есть и примеры типичных формул, которые обнаруживаются в заговорах других категорий. Например, классический для заговора на подход к власти текст обнаруживается в заговоре на подход свата, опубликованном М. М. Забылиным [Забылин, 1880, № 1, с. 372–373]. В заговоре на путь, переписанном фольклористами в Архангельской области с современного рукописного сборника, в списке угроз упоминаются вместе «враг», «супостат», «суд», «начальство», «лихой человек», «змея потколодный ползучий» [Магические практики..., 2020, с. 504–505].

В целом, заговоры «на власть, на суд» бытуют в русской традиции в двух сильно различающихся вариантах.

Первый представлен, преимущественно, в фольклоре. Это относительно короткие, в 3–5 предложений заговоры, которые можно было запомнить и передавать изустно.

Они представлены в материалах фольклорных архивов Новгородского и Санкт-Петербургского государственных университетов [Магия слова..., 2006; Магические практики..., 2020]. Среди них два новгородских заговора, «если придешь в какое место, чтобы благосклонно к тебе относились». В одном из них на добро и сердечность заговаривается само место, во втором дается конкретизация объекта и желаемого воздействия: «все начальники и господа, будьте все ласковы и добры до меня».

Второй вид – объемные тексты, которые имели хождение в письменном виде. Их объем может достигать 200–300 и даже 770 слов². Таковы тексты из перечисленных в таблице 1 рукописных сборников, а также заговоров *на подход ко властям*, опубликованных М. М. Забылиным и Л. Н. Майковым.

---

¹ Существуют и заговоры смешанного назначения. Примером того является текст «Чтобы любили и уважали» с формулой «Как царь жалован государственной части, И коли люб чесной, Всякому крещёному человеку люб. Так бы меня любили, в чистоте и в миле», записанный в Архангельской области [Магические практики..., 2020, № 586, с. 288–289].

² Например: Заговор на власти из рукописи РНБ. ОСПК. О.XVII.38, поступившей от Л. Н. Майкова [Русские заговоры, 2010, с. 443–444].

Эти тексты нагружены эпитетами, именами небесных покровителей и обозначениями иных могущественных сил, повторами оборотов и заклинательных формул.

В пространных письменных заговорах можно выделить три или четыре типа пожеланий, которые формулируют читающие или составляющие заговор люди. Это пожелания: 1) «*укротить и умирить*» или «*обуздать*» представителя власти либо суд, 2) вызвать радость при виде акторасимпатию – дословно, чтобы «*возрадовались*»; 3) вызвать любовь – дословно «*горит сердце*» (здесь обнаруживается максимальная близость с любовными заговорами); 4) подчинить – чтобы «*прибежали и поклонялись*». Нельзя не отметить, что 1 и 4 вариант близки по смыслу и могут быть объединены в один блок.

Кроме этого широко распространены и связанные с предыдущими группами пожелания: 5) чтобы власти или судьи «*лиха не думали, зла не творили*» / «не думали... ни злобою, ни ревностию, ни злодейством, ни лихорадством, ни гневом, ни главным, ни очным, ни ручным, ни сердешным, и ни ножным, ни думою лихою, ни мыслию злою, ни боем, ни грабежем, ни умом, ни помышлением лукавым», то есть, ограничить желание властей или судьи причинить вред, а также, 6) чтобы заговор «*заградил уста и язык у сопротивника*» в суде или перед представителем власти (и он не сможет ничего делать)/ солнце «*спекло*» *бы сердце*, «*чтобъ не возносились бы, не промолвили бы, не проглаголали бы лихо; не запомнилъ бы супротивъ меня*» [Майков, 1869, № 340, с. 148–149].

В свете существования варианта «*горит сердце*» интересно повеление обратного свойства, чтобы «*сердца не разгорались, руки не поднимались, уста не отверзались*», под которым понимается смирение властей перед читающим заговор.

Затруднение классификации по данному функциональному критерию заключается в том, что в рамках одного заговорного текста может встретиться две и более формул. Например, в «Молитве 3» из «Сборника заговоров и молитв» с включением «Печати Соломона 2-й половины XVII века присутствует как вариант «*не думали... ни злобою, ни ретостию...*», так и «*поклоняются и покарются*» [Русские заговоры, 2010, с. 342, 343–344]. В заговоре «на подход вообще», опубликованном М. М. Забылиным, сочетаются варианты «*не думали бы зла и лиха*» и «*возрадуются и возвеселятся*» [Забылин, 1880, с. 376–377].

В заговоре от супостатов из Олонецкого сборника одновременно есть и «*обуздай супостатов*» и «*не могли б рещи на меня и против меня*» [Русские заговоры, 2010, № 87, с. 125], в «Приговоре и молитве к власти» из того же источника – одновременно «*так бы укротилос(ь) сердце сего раба Б(о)жия ...ко мне*» и «*так бы поклонялис(ь) мне, рабу Б(о)жию*» [Русские заговоры, 2010, № 35, с. 107].

Таким образом, грань между вариантами требуемого воздействия достаточно размыта. Главный ожидаемый эффект заговоров — обеспечение возможности благоприятного исхода, предотвращение вреда, устранение препятствий для собственных действий. Интересно, что защита от «неправедного суда» упоминается далеко не всегда, зачастую речь идет о том, чтобы реализовать собственный план в ходе тяжбы или ходатайства.

Заговоры этой категории часто сопровождаются ритуалом или приемами симпатической магии. Так, текст на «*ко власти приход*» из Олонецкого сборника необходимо было наговаривать на воду, на росу и на мыло, чтобы затем ими «потереть по лицу» [Русские заговоры, 2010, № 31, с. 105]. Перед «подходом к начальству» по М. М. Забылину, необходимо было умываться утром заговоренной водой, которой до того омыты образа Спасителя и Богоматери, остатками той же воды намочить плат и утираться им, придя к властям [Забылин, 1880, с. 377–378]. В «заговоре на властелина» — заговаривать воду [Русские заговоры, 2010, с. 106], в «Приговоре и молитве к власти» — не вполне ясное в осуществлении «*Над церковю крест зубом укусит(ь)*»: «*И тую щепку возми, и в шапку положи, и везде поди. Или на часовне креста укусит(ь) да тако ж полож(и) и тож говор(и)...*» [Русские заговоры, 2010, с. 107]. В аналогичном заговоре, изъятom в Мангазее, полагалось трижды начитать заговор на воск и поместить его «под пятау под ножной палец», «положити меж стельками» [Русские заговоры, 2010, № 401, с. 315].

Для прочтения опубликованной И. Щуровым молитвы «отъ неправеднаго суда», необходимо было перед походом в суд налить Богоявленской воды, прилепить к сосуду Богоявленскую свечу, зажечь и начитать текст троекратно, каждый раз «дую в воду крестообразно». Этой водой нужно было умыться [Щуров, 1867, с. 159–160].

Более универсальный заговор из Олонецкого сборника — «на власть над человеком» — требовал целого ритуала подношения. В нём было необходимо взять волосок с головы, запечатать его в сыром яйце, из тридцати зерен жита изготовить в лесу тридцать колобков, смолов муку против солнца и варя колобки в чистой коробочке в чистой ямке, соблюдая правила чистоты тела и одежды. Также следовало вырубить из осины в лесу щепку ударом топора от себя. Далее необходимо было на закате в лесу, стоя лицом к западу положить колобки на щепку, а щепку на сучья дерева над муравейником, а яйцо закопать в муравейник и читать заговор [Русские заговоры, 2010, № 121, с. 139–140]. Ритуальные действия имеют аналоги и на других территориях, например, в заговорах из Владимирской губернии [Майков, 1869, № 339, с. 148], из Путивля [Михайлова, 2004, с. 181–182]³. В заметке «Околдование начальства» П. С. Ефименко пересказывает украинский сюжет, в котором колдующие в пользу заказчика местные чародейки зашивали зеленым шёлком рот пойманной жабе, чтобы придать силу заговору против черниговского полкового судьи [Ефименко, 1886, с. 175–178].

В прочих случаях регламентации чтения заговора неизвестна или присутствует лишь краткая инструкция «*Говор(и), ко власти идучи*» [Русские заговоры, 2010, № 87, с. 125]. Пояснение может быть изложено в заголовке: «Идя на суд, нужно сказать про себя заговор, чтобы судьи не обсудили» [Русские заговоры Карелии, 2000, с. 110].

³ «Знахарка «женка Гапка», фигурирующая в деле 1754 года, продиктовала Пеллагею Виноградской в качестве рецепта, что нужно сделать и сказать, чтобы мужа Пеллагеи «не обидели в суде». Виноградская записала со слов знахарки следующее: «...вставши в полнощи пойти к колодезю, набрать непочатой воды, потом пойти на гроб мертвеца и попросить его по имени дать земли, и взявши оную трижды принести в дом и всыпать в ту воду, затем намочить в той же воде три замка и, вылезши в окошко, крикнуть три раза волшебные слова, а как идти в суд, говорить: як та вода непочатая, как той мертвец во гробе мертв, и как те замки замкненные в воде, так бы мои челобитчики не починали на мене ничего говорить, обмертвели б от страха, как той мертвец во гробе, и уста бы замкненные, как те замки в воде, чтоб они меня на сем суде не могли обидеть» [Михайлова, 2004, с. 181–182]

Социальная структура, выстраиваемая по текстам заговоров, выглядит фантастично. Нужно понимать, что перечень социальных категорий, на воздействие на которых нацелены заговоры «на власть, на суд», условен и местами архаичен.

Перечни объектов для воздействия обычно начинаются с обобщающего выражения «власти»/ «власти и области» /«всякие пестрые власти», «всякому властелинскому чину» а также «всякие начала, и всякие власти священные» или более конкретного «начальники и градоначальники». Терминология этого раздела отчасти перекликается с библейской.

Далее следуют «цари» (иногда «цари и царицы»), «царевичи»(в одном случае «и царевны»), «короли»(в одном случае «и королицы»), затем – церковные чины: «патриархи» (во множественном числе), «митрополиты», «архиепископы», «епископы», иногда – «игумены», реже – «архимандриты» и «диаконы» и «все священники» / «вся освящённы соборы» / весь «чин священнический». Заговоры, в которых перечислены церковные чины, образуют плотную группу, в других текстах этот перечень отсутствует, за исключением единственного случая, где в качестве группового обозначения назван «священный иерей».

Также присутствует перечисление светских аристократов – «князья» (иногда «благочестивые князи и княгини»), «бояре» (либо «бояры и боярыни»), «вельможи» в разных сочетаниях.

В ряде случаев указаны «приказные люди/служители», «дьяки и поддьяки». Этим упоминаний четыре, и они коррелируют с короткими списками, в которые не входят церковные чины и большая часть категорий. При этом «дьяки и поддьяки» встречаются в одном списке с «царями, князьями, боярами и приказными судьями». Список расширен за счет феминитивов. Приказные люди, напротив, в одном списке с «правителями, властями, князьями, боярами» либо «властями, воеводами».

В одном случае в заговоре из Архангельска в качестве посредников названы «царскія очи», которые служат «царямъ, царевичамъ, королямъ, королевичамъ» [Майков, 1869, с. 146].

Завершается перечень общим выражением «всяк человеческий род» /«все православные христиане»/«весь народ православный» и т.п. В ряде случаев, например, в заговоре из новгородского Антонова монастыря, приведены половозрастные характеристики: «старцы и юнцы и все православные христиане, мужие и жены и малые младенцы»⁴.

Указание на судей как на объект воздействия присутствует в двух вариантах – либо в начале заговора без дальнейшей конкретизации в оставшейся части текста («отъ всѣхъ злыхъ людей, отъ праведныхъ и неправедныхъ **судей**, отъ всяково злодія»), либо в общем перечне лиц, например: «всѣ начальныя и чиновныя люди и **судьи**»,

⁴ Так же и заговор из Мангазеи использует в дополнение к социальным и другие характеристики – возрастные, гендерные, физические: «рабы и рабыни и всередович, старые и молодые, князи и бояре и дети боярския, троюжены и двоюжены, и одножены, и четверожены, однозубы и двоизубы, и троюзубы, и вся вселенная». Перечень повторяется в данном заговоре трижды с небольшими вариациями. В целом, подобные перечни лиц, орудий, отрезков времени или пространств в структуре заговора обычно призваны описать все разнообразие источников опасности, чтобы исключить лазейки для проникновения вредоносного воздействия [Русские заговоры, 2010, № 401, с. 315].

«цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дьяки и поддьяки, и пестрыя власти, и вси приказные **судьи**, мои супостаты», «вси **судьи**, начальники и градоначальники, и вси православные христіаны», «отъ князя и боярина, отъ **судей** и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ».

Иногда направленность заговора обозначена заголовком, например «на суд идти», но при этом объект воздействия назван судьей не всегда. Среди наименований судей: «суд(ь)и» / «судія Царской», «властелин», или просто «сей раб божий» (имярек) или «все православныи крестьяне». Например, в заговоре из судебного дела псковского пономаря Хрисанфа Козмина 1793 г. это «вси люди» [Михайлова, 2004, с. 191]. В ряде текстовиз Олонецкого сборника (№ 31, № 35) для заговора требуется имя конкретного судьи.

Есть заговоры, где судья и суд не упоминается напрямую: «кто может окіанъ море выпить, тотъ можетъ и меня, раба Божія (имярекъ) **осудить и оговорить**» [Забылин, 1880, с. 378–379], «въ тѣхъ тридесяти мертвецахъ сердца не разгараются, руки не преподнимаются, уста не отворяются, **такъ бы у раба** (имярекъ) на раба (имярекъ) сердца не разгорались, руки не поднимались, уста не отверзались».

К наименованиям с оценочными характеристиками можно отнести такие объекты заговаривания, как «супостат» (упоминается чаще всего, 6 случаев), «враг», «сопротивник», «лихой человек» в различных сочетаниях. Например, встречается связка «супостат» – «мой властелин», «супостат и враг».

Механизм предполагаемого воздействия заговоров этого типа основан обычно на магии подобия: как произошло что-то в сакральном пространстве, так должно произойти и в обыденном мире. Например, как «*как царь Д(а)в(ы)д укротил и умирил царей и князей еврейских, так бы укротилос(ь) с(е)рдце сего раб(а) Б(о)жия суд(ь)и имярек ко мне, к рабу Б(о)жию имярек*» [Русские заговоры, 2010, № 31, с. 105]; «*святой Георгий, обуздал еси 70 царев, богов еллинских; тако обуздай супостатов моих, востающих на мя*» [Русские заговоры, 2010, № 87, с. 125] или «*как возрадовалис(ь) князи, и бояре, и велможи, и все православные крест(ья)не Светлому Христову Воскресению Велику дни, так бы возрадовалис(ь) мне...как птицы ластовицы не могут забыт(ь) гнезд своих и детей своих, и так бы не могли забыт(ья)мя*» [Русские заговоры, 2010, № 185, с. 342], «*как праведное красное солнце, испекаешь у людей кудрявых сердца,— так ты, праведное красное солнце, спекай у врагов моих и у супостатов...*» (заговор из Череповецкого уезда Новгородской губернии) [Майков, 1869, № 340, с. 148–149] или «*как диавольская сила не может нечистковать против девяти чинов ангельских —так бы сопротив меня, раба Божия (имярек), не могли ничего сотворити*» [Майков, 1869, № 340, с. 148–149], «*Итакъ бы возрадолся сей месяц с краснымъ сонцемъ, / Со лучами, со звездами, со небесными силами, И такъ бы возрадовались бы обо мне вси люди*» (в заговоре из Пскова) [Михайлова, 2004, с. 191–193] и так далее.

Второй типичный механизм – это молитва, взыскание заступничества высших сил: например, «*Пречистая Богородица, загради, Господи, уста и язык у сопротивника моего*» [Русские заговоры, 2010, № 2, с. 442], «*Пречистая Богородица, закрой своею ризою нетленную от всяког(о) зла человека*» [Русские заговоры, 2010, № 10, с. 337–338], «*Михаиле архангель, заслони ты меня желѣзною дверью и запри*

тридцатью ключами, замками» [Майков, 1869, № 344, с. 151], *«Илиа и Енох со огненными пламенью и со громогласными стрелами, и ограждают меня, раба Божия, каменными стенами...»* [Русские заговоры, 2010, № 11, с. 425]. Заговору может сопутствовать мотив волшебной защиты, или, как называет его А. Л. Топорков «чудесного одевания». Например, в заговоре из Беломорского района Карелии: *«Оболокусь в красное лунное солнышко, а опояшусь со светлым лунным месяцем, подручусь частыми мелкими звездочками»* [Русские заговоры Карелии, 2000, № 330, с. 110]. Актор может молиться о даровании защитных или иных волшебных атрибутов, которые имеют силу: *«Дай мне-ка, Господи, очи медные, голову железную, язык золотой говорить перед праведной судьей»* [Русские заговоры Карелии, 2000, № 331, с. 110], *«Святой государь Петрь и Павел, верховный опостол, постав(ь) круг меня, раба Божья, тыньжелезень от неба до земли»* [Русские заговоры, 2010, № 10, с. 337–338], *«Истинной Христос, заступи свою ступен(ь)ю, закрой свою нетленную ризю, постави тын железен от небо до земли»* [Там же]. Два механизма могут сочетаться внутри одного пространного текста [Русские заговоры, 2010, с. 425, 430–432, 443].

Хранить и использовать этот тип заговоров было особенно опасно, поскольку подобные действия граничили с государственной изменой. Если лечебные, охотничьи или пастушеские заговоры использовали на себя, на скотину, на диких зверей, то здесь объектом воздействия выступали должностные лица, государевы люди и, теоретически, сам государь. Одно из судебных дел с рукописными заговорами в составе, введенных в научный оборот и исследованных Т. В. Михайловой, было передано на рассмотрение Тайной канцелярии. Как полагает исследовательница, это произошло из-за его лексических особенностей – упоминаний «царя» и выражений *«царя не боюся»* и *«не блюдуся»* [Михайлова, 2004, с. 177].

В целом, как отмечает Т. В. Михайлова, хранение рукописных текстов вызывало подозрение и могло стать основанием для доноса не только из-за подозрений в ереси, политическом заговоре, сношениях с иностранцами, но и из-за церковных реформ как последней трети XVII века, так и начала XVIII века, так служба по любым книгам, кроме печатных и исправленных, была запрещена [Михайлова, 2004, с. 176]. Примечательно, что изучение судебной практики и нормативных документов показало, что в течение XVIII века произошли изменения в отношении преступлений, связанных с волшебством, в том числе, в хранении и использовании заговоров. В последней трети XVIII века, согласно наблюдениям Т. В. Михайловой, судьи начали выносить приговоры о «суеверии», тем самым делая подсудимых повинными не в колдовстве, а в вере в него [Михайлова, 2004, с. 182; Михайлова, 2002, с. 170–193].

Попыткой магически повлиять на социальную реальность, вне сомнения, были и молитвы, и это был легальный путь. Заговоры не предстают как его полная оппозиция, поскольку смыкаются с этим способом в поле так называемых «ложных молитв» [Яцимирский, 1913, с. 85–91]. Однако «молитвами» они были для самих акторов, но для представителей власти представляли нарушениями светского и церковного законодательства в спектре от обращения к чародейству и богохульства до суеверия [Михайлова, 2002, с. 171].

Заговоры «на власть, на суд» являются типичным примером «протеста слабых», которые, не будучи готовы к открытому бунту, тем не менее, пытались воздействовать

на власть вне правового поля. Анализ заговорного текста показывает, что акторы уверены в том, что исход управленческих или судебно-процессуальных действий на значительную долю зависит от расположения представителя власти и от удачи. В целом, появление такого жанра заговоров хорошо показывает, что вера в безусловную справедливость суда и властей не была распространена повсеместно, и предоставление судебных доказательств обычным порядком не казалось достаточным условием, чтобы отстоять свою позицию в суде. Не имея возможности дополнительно эффективно воздействовать на власть преобладающими способами материального мира — с помощью взяток, угроз или протекции, или же не имея уверенности в достаточности этих действий, люди обращались к поддержке сверхъестественных сил.

Информация о статье

Автор: Колпакова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук; Псковский государственный университет (ПсковГУ), Псков, Россия; ORCID: 0000-0001-6701-1044; e-mail: pskov-sova@mail.ru

Заголовок: Магические практики противостояния властям на Северо-Западе в письменных источниках XVII–XVIII веков и в фольклоре

Аннотация: В статье рассматриваются тексты колдовских заговоров «на власть, на суд», «на подход», зафиксированных в рукописях и фольклоре. Целью этих заговоров было получение расположения судей и начальства с целью извлечения выгоды или избегания неприятностей. Выделяются такие механизмы желаемого воздействия, как 1) «укротить и умирить» или «обуздать», 2) вызвать радость от прихода актора; 3) вызвать любовь; 4) подчинить, 5) ограничить желание властей или судьи причинить вред, 6) лишить власти или судью речи. Фиксируются обряды, дополняющие заговоры. Анализируются перечни воображаемых адресатов заговора, в которые входили следуют «цари» «царицы», «царевичи», «царевны», «короли», «королицы», «патриархи», «митрополиты», «архиепископы», «епископы», «игумены», «архимандриты», «диаконы», «все священники», «князья», «княгини», «бояры», «боярыни», «вельможи», «приказные люди/служители», «дьяки и поддьяки», «судьи», «властелин» и др. Оценочные характеристики представлены словами «супостат», «враг», «сопротивник», «лихой человек». Перечень социальных категорий, на воздействие на которых нацелены заговоры «на власть, на суд», условен и местами архаичен. Упоминания государя и государевых людей в текстах делало применение данных заговоров и хранение рукописей особенно опасным для их владельцев. Механизм предполагаемого воздействия рассматриваемых заговоров основан на магии подобия. Анализ заговорных текстов показывает, что акторы уверены в том, что исход управленческих или судебно-процессуальных действий на значительную долю зависел от расположения представителя власти и от удачи. Заговоры «на власть, на суд» предстают типичным примером «протеста слабых», которые, не будучи готовы к открытому бунту, тем не менее, пытались воздействовать на власть вне правового поля.

Ключевые слова: Северо-Запад России, заговоры, колдовство, верования, обряды, суд, власти

Библиографический список

- Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография* (2005). Авторы-составители Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М.: «Индрик», 2014. 320 с.
- Ефименко П. С. (1878). *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии*, собр. П. С. Ефименком. Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; т. 30. Труды этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Книга V. Вып. 2. М.: Типо-литография С. П. Архипова и Ко. 276 с.
- Ефименко П. С. (1884). Попытка околдовать волостной суд. *Киевская старина*. Т. 8. № 3. С. 508–509.
- Ефименко П. С. (1886). Околдование начальства. *Киевская старина*. Т. 15. № 5. С. 175–178.
- Забылин М. М. (1880). *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. М., Издание книгопродавца М. Березина. 615 с.

- Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века.* (2020). В 2 т. Т. 1: Архангельская коллекция / Сост. С. Б. Адоньева, А. В. Степанов; вступ. статья С. Б. Адоньевой; коммент. А. В. Степанова, подг. текстов А. В. Степанова, А. Ю. Цветковой, А. А. Гавриленко; под общ. ред. С. Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр. 704 с.
- Магия слова. Заговор. По материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета* (2006). Сост. О. С. Бердяева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. 99 с.
- Майков Л. Н. (1869). *Великорусские заклинания*. Санкт-Петербург Типография Майкова. 164 с.
- Михайлова Т. В. (2002). *Правовая база русских колдовских процессов второй половины XVIII века и её специфика*. Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. СПб. Вып. 2. С. 170–193.
- Михайлова Т. В. (2004). «*Волшебные книжки*» и «*суеверные письма*»: заговоры в составе колдовских дел. *Studia Ethnologica: Труды Факультета этнологии*. СПб. Вып. 2. С. 174–200.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.* (2010). Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик. 832 с.
- Русские заговоры Карелии* (2000). Составитель Т. С. Курец. Петрозаводск. 276 с.
- Топорков А. Л. (2001). О рукописи Г. Д. Книголюбова. Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. Составители: Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, А. Л. Топорков. Москва: Ладомир. С. 352–389.
- Топорков А. Л. (2005). *Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика*. М.: «Индрик». 480 с.
- Топорков А. Л. (2005). *Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII–XVIII вв.* Заговорный текст. Генезис и структура: сборник научных статей. Ред. Л. Г. Невская, Т. Н. Свешникова. Москва: Индрик. С. 143–174.
- Топорков А. Л. (2007). *Номинация ЦАРЬ и персонажи-«цари» в русских заговорах XVII–XIX вв.* Вопросы ономастики. № 4. С. 67–82.
- Шереметев П. (1902). *Зимняя поездка в Белозерский край*. М., Синодальная типография. 180 с.
- Щуров И. (1867). *Знахарство на Руси*. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Октябрь–Декабрь. Книга IV. С. 159–160.
- Яцимирский А. И. (1913). *К истории ложных молитв в южнославянской письменности*. Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 18. № 4. С. 85–91.

Information about the article

Author: Yulia V. Kolpakova – Candidate of Historical Sciences, Pskov State University (PskovSU), Pskov, Russia; ORCID: 0000-0001-6701-1044; e-mail: pskov-sova@mail.ru

Title: Magical practices of confronting the authorities in the North-West in written sources of the 17th–18th centuries and in folklore

Abstract: The article examines the texts of witchcraft spells “to authority”, “to justice”, “to treatment” recorded in manuscripts and folklore. The purpose of these spells was to gain the favor of judges and superiors for benefits or avoiding trouble. The following mechanisms of the desired impact are identified: 1) “to tame and pacify” or “to restrain”, 2) to cause joy from the arrival of the actor; 3) to excite love; 4) to subjugate; 5) to limit the desire of the authorities or a judge to cause harm; 6) to disempower or to leave a judge speechless. Rituals that complement spells are recorded. The lists of imaginary recipients of the spells, which included the following: “tzars”, “tzarinas”, “tzarevichi”, “tzarevni”, “kings”, “queens”, “patriarchs”, “metropolitans”, “archbishops”, “bishops”, “abbots”, “archimandrites”, “deacons”, “all the priests”, “princes”, “princesses”, “boyars”, “noble women”, “noble men”, “officials/wardens”, “lectors and clerks”, “judges”, “lord”, etc. are analyzed. Evaluative characteristics are represented by the words “adversary”, “enemy”, “foe”, “hostile”, “opponent”, “antagonist”, “dashing person”. The list of social categories that the spells “on the authorities, on the trial” are aimed at is conditional and sometimes archaic. The mention of the Sovereign and the Sovereign’s people in the texts made the use of these spells and storage of manuscripts especially dangerous for their owners. The mechanism of the supposed impact of the spells discussed is based on the magic of similarity.

The analysis of spell texts shows that actors are confident that the outcome of administrative or judicial proceedings depended to a significant extent on the disposition of the authority representative and on luck. Spells “to the authorities”, “to the fair trial” appear as a typical example of the “protest of the weak”, who, not being ready for open rebellion, nevertheless tried to influence the authorities outside the legal framework.

Keywords: North-West Russia, spells, witchcraft, beliefs, rituals, fair trial, authorities

References

- Efimenko P. S. (1878). *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii*, sobr. P. S. Efimenkom [Materials on the ethnography of the Russian population of the Arkhangel'sk province, collected by P. S. Efimenko]. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [News of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography]; Vol. 30. Trudy etnograficheskogo otdela Imperatorskogo Obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografiipri Moskovskom universitete [Proceedings of the Ethnographic Department of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography at Moscow University. Book V. Issue 2. M.: Tipo-litografiya S. P. Arkhipova i Ko. 276 p.
- Efimenko P. S. (1884). Popytka okoldovat' volostnoy sud [An attempt to bewitch the Volost Court]. *Kievskaya starina* [The Kyiv antiquity]. Vol. 8. No. 3. P. 508–509.
- Efimenko P. S. (1886). Okoldovanie nachal'stva [Bewitching the authorities]. *Kievskaya starina* [The Kyiv antiquity]. Vol. 15. No. 5. P. 175–178.
- Magicheskie praktiki severnorusskikh dereven': zagovory, oberegi, lechebnye ritualy. Zapisi kontsa XX — nachala XXI veka* (2020). [Magical practices in Northern Russian villages: spells, amulets, healing rituals. Late 20th – early 21st centuries records]. In 2 vol. Vol. 1: Arkhangel'skaya kolleksiya [Arkhangel'sk Collection] / Compiled by S. B. Adonyeva, A. V. Stepanov; entry article by S. B. Adonyeva; comment. by A. V. Stepanova, assistant texts by A. V. Stepanov, A. Yu. Tsvetkova, A. A. Gavrilenko; under the general editorship of S. B. Adonyeva. Saint-Petersburg: Proppovskiy tsentr. 704 p.
- Magiya slova. Zagovor. Po materialam fol'klornogo arkhiva Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (2006). [The Magic of Words. The Spell. Based on the materials from the Folklore Archive of Novgorod State University] Compiled by O. S. Berdyayeva. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. 99 p.
- Maykov L. N. (1869). *Velikorusskie zaklinaniya* [Russian Charms]. Saint-Petersburg. Tipografiya Maykova. 164 p.
- Mikhaylova T. V. (2002). *Pravovaya baza russkikh koldovskikh protsessov vtoroy poloviny XVIII veka i yeyo spetsifika* [The legal basis of Russian witchcraft processes of the second half of the 18th century and its specifics]. *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika* [Anthropology. Folkloristics. Linguistics]: collection of articles. Saint-Petersburg. Issue 2. P. 170–193.
- Mikhaylova T. V. (2004). «Volshebnye knishki» i «suevernye pisma»: zagovory v sostave koldovskikh del [“Magic Books” and “Superstitious Letters”: spells as part of witchcraft processes]. *Studia Ethnologica: trudy fakul'teta etnologii* [Studia Ethnologica: faculty of ethnology studies]. Saint-Petersburg. Issue 2. P. 174–200.
- Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoy poloviny XIX vv.* (2010) [Russian Charms from Handwritten Sources of the 17th – first half of the 19th centuries]. Compilation, preparation of texts, articles and comments by A. L. Toporkova. Moscow: Indrik. 832 p.
- Russkie zagovory Karelii* (2000). [Russian Spells of Karelia] Compiled by T. S. Kurets. Petrozavodsk. 276 p.
- Shchurov I. (1867). *Znakharstvo na Rusi* [Quackery in Rus']. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istoriii Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. October-December. Book IV. P. 159–160.
- Sheremetev P. (1902). *Zimnyaya poezdka v Belozerskiy kray* [Winter trip to the Belozersky region] Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 180 p.
- Toporkov A. L. (2001). O rukopisi G. D. Knigolyubova [About the Manuscript of G. D. Knigolyubov]. *Rukopisi, kotorykh ne bylo. Poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora* [Manuscripts that never existed. Forgeries in the field of Slavic folklore]. Compiled by T. G. Ivanova, L. P. Lapteva, A. L. Toporkov. Moscow: Ladimir. P. 352–389.
- Toporkov A. L. (2005). *Motiv «chudesnogo odevaniya» v russkikh zagovorakh XVII-XVIII vv.* [The motive of “miraculous dressing” in Russian magic spells of the 17th–18th centuries]. *Zagovornyy tekst. Genezis i struktura: sbornik nauchnykh statey* [Magic spell text. Genesis and structure: collection of scientific articles]. Edited by L. G. Nevskaya, T. N. Sveshnikova. Moscow: Indrik. P. 143–174.
- Toporkov A. L. (2005). *Zagovory v russkoy rukopisnoy traditsii XV–XIX vv.:* Istoriya, simbolika, poetika [Charms in the Russian handwritten tradition of the 15th–19th centuries: history, symbolism, poetics]. Moscow: Indrik. 480 p.
- Toporkov A. L. (2007). *Nominatsiya “TSAR” i personazhi-«tsari» v russkikh zagovorakh XVII–XIX vv.* [Nomination TSAR and “tsar” characters in Russian spells of the 17th–19th centuries]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. No. 4. P. 67–82.
- Vostochnoslavjanskiye zagovory: Materialy k funktsional'nomu ukazatelyu syuzhetov i motivov.* Annotirovannaya bibliografiya (2005). [East Slavic Charms: Materials for the Functional Reference of Plots and Motifs. Annotated Bibliography]. Compiled by T. A. Agapkina, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2014. 320 p.
- Yatsimirskiy A. I. (1913). *K istorii lozhnykh molitv v yuzhnoslavjanskoy pis'mennosti* [On the history of false prayers in South Slavic literacy]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskogo*

koу Akademii nauk [News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 18. No 4. P. 85–91.

Zabylin M. M. (1880). *Russkiy narod, ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya* [The Russian people, their customs, rituals, legends, superstitions and poetry]. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa M. Berezina. 615 p.

Для цитирования статьи:

Колпакова Ю. В. Магические практики противостояния властям на Северо-Западе в письменных источниках XVII–XVIII веков и в фольклоре. *Caurus*. 2024. Т. 3. № 2. С. 9–20. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(2)-9-20

For citation:

Kolpakova Yu. V. Magical practices of confronting the authorities in the North-West in written sources of the 17th–18th centuries and in folklore. *Caurus*. 2024. Vol. 3(2). P. 9–20. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(2)-9-20